

Павел Грушко

Мифологии

ЕЩЕ НЕДАВНО произведение прошлого дозволялось рассматривать только в разрезе связей с конкретным временем их создания, только как «зеркала» той или иной тогдашней революции (либо контрреволюции), и — чтоб никаких аналогий с тем, что было потом. Конечно, Угрюм-Бурчеев не Сталин; во времена Салтыкова-Щедрина Иосиф Джугашвили еще «обитал» в несуществующем будущем, но своим угрюм-бурчеевским вочеловечением, самым своим страшноватым подобием глуповскому градоначальнику он ведь не только наделил его неким большим бессмертием, но как бы придал тому в нашем сознании новые черты.

Известная истина: с последней точкой на рукописи, с последним мазком на холсте или бороздкой на гравировальной доске одни произведения начинают умирать, другие — все больше и больше «выживать», меняться, преобразоваться вместе с прибытком (или убытком) знаний, взглядов и вкусов общества.

Гойя не только выжил — он невиданно укрупнился.

На страшном опыте своего народа в переломную пору революционных пертурбаций он показал всеобщее моральное несовершенство человечества, обобщил душевные и телесные страдания каждого из людей и поставил диагноз: «Сон разума порождает чудовищ». Он и снадобье «прописал»: лучшую красоту мира и человеческого бытия, запечатленных на его «счастливых» полотнах. А также народную мудрость, заключенную в пословицах и поговорках, которые он поместил в виде подписей, порой с развернутыми комментариями, под офортами «своих серий» «Капричос» («капризы, при-

детскую руку), мать же происходила из разорившихся идалго (отсюда и «знатная» частичка «де» в его фамилии, присовокупленная позже). Семья перебралась в Сарагосу, где в 14 лет Франсиско стал учеником художника Хосе Луисана-и-Мартинеса (бывшего также «сотрудником» Святой Инквизиции), который расписывал местные храмы; педагог он был старательный, а мастер довольно бесцветный, мало что давший будущему гению.

Двадцати лет от роду, по приезду в Мадрид (скорее всего — чтобы скрыться после

шестивия (яростное «Восстание 2 мая 1808 года в Мадриде» и трагический «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года», обе картины — около 1814 года), и серии вышеупомянутых офортов.

Его интенсивная жизнь (любящий улицу и толпу, кем он только не был в скитаниях — гимнастом, страстно любившим тореро, певцом) и невероятное трудолюбие (каталог его произведений насчитывает почти 1900 номеров) приводят стареющего мастера к нервным срывам. Он глубоко переживает французское нашествие и ужасы, связанные

ший могильную плиту, пишет на листе бумаги «Nada» («ничто», «небытие»)...

По мощи и яркости, по творческому напору, почти сравнимому со знаменитой «La bravura» («норовом») боевых быков, которых Гойя знал не понаслышке и поразительно изобразил на некоторых живописных полотнах и в серии «Тавромахия», по новаторскому сплаву яви и вымысла в переломный момент европейской истории его сравнивают с Гёте и с еще одним «великим глухим» — Бетховеном. На мой взгляд и вкус, точнее многих объяснил место Гойи в развитии мирового искусства Валерий Николаевич Прокофьев («Гойя в искусстве романтической эпохи». М. «Искусство», 1986), указав, что общество той поры «еще не закончило счетов со старым миром и еще не нашло окончательных форм собственного своего существования в мире новом, которое борется и ищет, обращаясь и в прошлое и в будущее, но не успокаиваясь на настоящем...» Сравнивая эпоху Просвещения с эпохой Романтизма, Прокофьев приводит такую метафору: «Если внимание просветителя сосредоточено на полюсах жизни — положительном и отрицательном, то внимание романтика поглощено пламенем вольтовой дуги, возникающей между ними, в момент их критического сближения».

Вольтова дуга бедствий, вытесняющая мирную радугу человеческого существования... Рассматривая сегодня произведения 250-летнего Гойи, невольно думаешь о своем, о нашем — о гнущих людях и гнущей природе, о гнущих чести и достоинстве. Не скрывая уважения к мужеству испанского народа, в бедствиях той войны художник показал не только зверства французов, но и зверства по отношению к ним своих испанцев. Тему лютой бессмысленной вражды он

Ф.Гойя. Фрагмент портрета работы В.Лонеса. 1827.

ЧЕРНАЯ ЖИВОПИСЬ

К 250-летию со дня рождения Франсиско Гойи

хоти, причуды»), «Бедствия войны», «Притчи», «Диспаритес» («сумасбродные наития»).

В возрасте 53 лет в 1799 году он оповестил желающих приобрести 80 офортов серии «Капричос» объявлением в «Диарио де Мадрид», лукаво заверив, что не намеревается «выставить на посмешище недостатки каких-либо лиц» (намеревался, намеревался!). Нас интересует другая его мысль, что по большей части изображаемое «существует лишь в воображении». Стало быть, изображение из воображения? Да, с натуры куда более грандиозной, нежели зримая глазами Натура или Натурщица, — изображение «форм и положений, существующих лишь в человеческом сознании, омраченном невежеством или разгоряченном необузданными страстями».

И ведь купить эти 80 офортов предлагалось на улице... Десенгано (81-й — дополнительный — «каприз» судьбы: название улицы переводится как «правда в глаза!»).

Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусентес родился 30 марта в небольшом невзрачном селе Фундетодос (источник для всех) — не премини и тут перевести название, указав на всечеловеческую значимость художника). Это недалеко от Сарагосы, столицы провинции Арагон. Край горных кряжей, не очень плодородных земель с пересохшими руслами рек. Хотя здесь встречаются редкостные эндемические растения и есть неповторимой красоты уголки, места эти разительно отличаются от райских земель Андалусии. В прошлом году в Арагоне мне довелось услышать от местного врача своеобразное объяснение неповторимости этих мест — они «на стыке»: европейская природа словно набирается здесь сил перед тем, как ринуться к жаркому Средиземноморью. Испанские философы Мигель де Унамуно и Анхель Ганивет объясняли такие черты испанского характера, как аскезизм, мятежность, индивидуализм, презрение к духу наживы, обостренное чувство национального достоинства, изолированностью и бесплодием испанских земель (Арагон точно подпадает под это наблюдение). И эти же черты испанского характера — черты личности Гойи и лейтмотивы многих его произведений.

Его предки по отцовской линии были земледельцами, дед стал писцом, а отец — позолотчиком алтарей (возможно, именно он вложил кисть в

Ф.Гойя. Расстрел французскими солдатами испанских повстанцев. Начало XIX в.

кровавой потасовки), Гойя испытал влияние художников Франсиско Байеу и приглашенных в Испанию мастеров — немца Антонио Рафаэля Менгса (классициста, который придерживался строгого академизма в рисунке, композиции и аллегорической тематике) и итальянца Джованни Баттисты Тьеполо (изумительного декоратора, автора религиозных композиций). В конце 60-х годов Гойя скитается по городам Италии (Рим, Парма), часто попадая в любовные и иные передряги (они к нему всю жизнь липли, как мухи к меду). В 1771 году возвращается в Сарагосу, где расписывает один из куполов собора Санта Мария дель Пилар, а в 1775 году снова приезжает в Мадрид, женится на сестре Франсиско Байеу — Хосефе — и по его рекомендации получает место художника Королевской мануфактуры ковров и гобеленов.

В 1780 году художник становится членом академии, создает росписи (в капелле храма Сан Антонио де ла Флорида, 1798), в 1799 году, при Карлосе IV, получает должность придворного художника. Став модным, пишет серию замечательных психологических портретов — знаменитые полотна «Маха одетая» и «Маха обнаженная» (предположительно между 1800 и 1803 гг.; прототипом была герцогиня Альба), куда как откровенную сатиру — «Семья короля Карла IV» (1800), портрет временщика Годоя (1801), живописные полотна о совсем недавних, еще кровавопахущих событиях наполеоновского на-

с войной. В 1817 году ему 70 лет, пришло одиночество, давно уже Гойя абсолютно глухой, у него бывают обмороки, растет раздражительность. «Я настолько раздражителен, — пишет он другу, что невыносим для себя самого...»

Но особенно невыносим мир людей. Ужас перед природой человека целиком завладел его сознанием. И появляется «Черная живопись» на стенах уединенного приюта в мадридском предместье на берегу Мансанареса близ Севильского моста — в «Поместье Глухого»: четырнадцать навальждений, занявших приблизительно 32 квадратных метра, — исчадия потустороннего мира с особенно ужасным «Сатурном, пожирающим своих детей»...

В 1824 году он переезжает во Францию, три месяца проводит в Париже и окончательно обосновывается в Бордо. Он умер 16 апреля 1828 года в добровольном изгнании в возрасте 82 лет и был похоронен на Бордоском кладбище в могиле своего друга (умершего тремя годами раньше). Через 60 лет испанский консул, который должен был отправить останки художника для погребения на родине, пережил потрясение при вскрытии могилы и дал депешу в Мадрид: «Скелет Гойи без головы». Через час ответили: «Отправляйте Гойю с головой или без оной». Английский искусствовед Д.Б. Виндхэм Льюис, описывая это событие в труде «Мир Гойи», упоминает офорт № 69 из «Бедствий войны», на котором скелет, отодвинув-

обобщил в одной из работ своей «Черной живописи» — «Драка на дубинах»: два озверевших человека лущают друг друга на фоне космического пейзажа, завелись они, похоже, всерьез и неизвестно, когда одумаются. Во имя чего, что в конце?

Разве что-то самое всеобщее Ничто. Небытие — «Nada»...

В мадридском Прадо открылась монументальная выставка, посвященная 250-летию Франсиско Хосе де Гойи. Помимо известной богатой коллекции самого музея Прадо, здесь представлены также работы Гойи из зарубежных картинных галерей и частных собраний. Посетитель увидит эскизы Гойи для изготовления гобеленов, его портретную живопись, картины религиозного содержания, сцены испанского быта его времени и, разумеется, всемирно знаменитую «Маху обнаженную». Глубокое впечатление оставляют социально-критические картины Гойи. Выставка знакомит и с мрачными произведениями художника, относящимися к рубежу второго и третьего десятилетия прошлого века. От его поздней картины «Молочница из Бордо» веет дыханием импрессионизма.

Юбилейная выставка продлится два месяца и, как предполагают ее организаторы, привлечет только из-за рубежа не менее миллиона посетителей.